

Важнейшее из искусств: как телевидение формирует сознание россиян

Алексей Левинсон,
руководитель отдела социокультурных исследований Левада-Центра

Несмотря на доступ к разным источникам информации, наше общество предпочитает информационный

монополизм. Самоцензура зрителей возникает раньше, чем цензура или самоцензура вещателей

Если бы Ленин был жив сегодня, то он бы изменил свою формулу насчет важнейшего из искусств и назвал бы таковым телевидение. Почему? Потому, что телевидению в России сегодня велено делать то же, что было велено делать кино тогда. А именно, выразимся не на языке комиссаров, а на языке социологов: обеспечивать интеграцию общества на базе контролируемых ценностей и образцов, с тем чтобы была возможность управлять им из единого властного центра.

Картина мира

С тем, что наше телевидение управляет нашим поведением и нашим образом мыслей, люди охотно соглашались. Такое признание хоть и не делает нам большой чести, но зато разгружает от ответственности за собственные мысли или, точнее, их отсутствие и за собственные действия, точнее, бездействие. Называя телевизор зомбоящиком, люди продолжают его держать включенным.

Слова «смотреть телевизор» теперь не точно и недостаточно описывают взаимоотношения людей и телевидения. Телевизор не смотрят. Женщины его включают и занимаются своими делами. И потом говорят: «Да я не и не смотрю, он там чего-то бормочет, я и внимания не обращаю...»

Мужчины берут пульт и перещелкивают каналы, говорят: «Смотреть нечего...» Телевидению это, быть может, и обидно, но оно приспособилось. Что касается «зомбирования», то специалисты говорят, что суггестия при таком смотреии вполглаза и слушании вполуха оказывается более эффективной. Да, слышат не все, что говорится, видят не все, что показывается. Но если ввести многократный повтор – буквальный или особенно с вариациями, если все каналы выражают так или иначе единую позицию, нужное содержание будет усвоено. Это рекламисты выяснили давно. И не надо никакого таинственного 25-го кадра, достаточно поработать над программированием эфира и, главное, над содержанием «новостных» передач.

В самом деле, на вопрос, откуда вы узнаете о новостях в стране и мире, 86% взрослых россиян отвечают – из телевидения. При этом люди, которые, по их словам, используют интернет ежедневно и в том числе для получения информации, все равно главным ее источником называют телевидение (80%). Интернет в качестве источника новостей из них использует только половина. Так обстоит дело сейчас, в относительно спокойные дни. Так же оно обстояло и в дни, когда начинались события в Крыму, а затем на востоке Украины. Наши СМИ твердили: российских военных там нет. Интернет гудел: они там есть. Российские потребители информации – даже те, кто умел ее находить в интернете, – в большинстве своем предпочли внимать собственному телевидению, не искушать себя чужой трактовкой

событий.

Доверие силе

В нашей истории бывали времена, когда наше радио запрещалось выключать, а их радио запрещалось слушать. Нынче нет (еще) ни того, ни другого. Ставить интернет под полный контроль еще только собираются. Мы являемся свидетелями того, как люди сами отворачиваются от него. Основная часть граждан из десяти общедоступных каналов для получения актуальной информации выбирает три.

Имея техническую возможность плюрализма, наше общество предпочитает монополизм. Оно вручает управление собой в «единые руки» – так образуется ситуация авторитарного управления в политике и в информации. Самоцензура зрителей возникает раньше, чем цензура или самоцензура вещателей.

Самоцензура зрителей проявляется не только в том, чтобы не смотреть, не слушать, но и в том, чтобы не доверять. Вот телевидение – его смотрят почти все (86%), но говорят, что ему доверяют, 59% (будем говорить, что индекс доверия здесь 0,69). Пенсионеры – самая доверчивая аудитория: 0,77. Те, у кого образования мало, доверяют много (0,76), те, у кого есть высшее, – доверяют меньше (0,60). Закономерность такая – чем больше смотрят/слушают, тем больше доверяют.

У частых пользователей интернета уровень доверия телевидению ниже, чем в среднем: 0,61, но интернет-изданиям их доверие еще ниже – 0,60. ТВ побороло у нас интернет даже среди его пользователей *).

Доверие – материя очень сложная. Недоверие – еще сложнее. Из тех, кто включает ТВ, почти треть не хотят заявить о своем доверии к передаваемой им информации. Что делается в их сознании? Положим, какая-то часть перепроверяет полученную информацию. Известно, что это – малая часть. Остальные живут под лозунгом «А я им (всем) не верю!». Эти люди вроде бы

защищают себя от заведомой лжи, дезинформации. Но поставить на ее место верную информацию они не могут и – это главное – не собираются. Их сознание пребывает в якобы свободе, состоящей в отсутствии мнения, она же – готовность принять с равной вероятностью любое, а с большой вероятностью то, за которым видится сила.

Простор для творчества

При созданной самими зрителями фактической монополии «больших» каналов на эфир, точнее – на внимание населения, политическая задача работников ТВ сводится к тому, чтобы набить сетку вещания материалом, который представляет собой упомянутое выше контролируемое (потому весьма ограниченное) содержание, выраженное через множество форм. Вот это множество должно быть велико. Здесь простор для жанрового и визуального разнообразия, между прочим, простор для творчества, коль скоро оно остается в области собственно презентации и визуализации. Информационными гегемонами, имеющими наивысшие показатели привлекательности для населения, ныне являются «Россия 1», «Первый канал» и НТВ. Разгрузкой от драматических новостей является кинопоказ. Все еще следуя ленинскому завету, российское ТВ показывает кино и сериалов в разы больше, чем ТВ Европы и США. На больших каналах это занимает, соответственно, от трети до половины эфирного времени.

Это, так сказать, старая модель. Нынешние руководители ТВ и руководители этих руководителей знают, что эта чудесная монополия трех китов нашего эфира размывается и скоро ее заменит совсем другая ситуация. Вчерашнее деление на ТВ-Россию и интернет-Россию завтра исчезнет. Интернет технически размоет телесреду, насытит ее присущим ему разнообразием форм и способов соединения содержания с сознанием зрителя/юзера. Но – если верить знающим людям – наше ТВ готовится в содержательном отношении затопить эту новую среду своим контролируемым контентом.

Защитная реакция

Быть может, читателю покажется, что с ним обсуждают что-то вроде утопий или антиутопий. И говорят о фантастических перспективах цифровой эпохи. Совсем нет. Речь идет, повторим, об искусстве ТВ. Но только это искусство в ленинском смысле слова. Ленин, если кто помнит, и вооруженное восстание считал искусством (а кино – оружием).

Может также показаться читателям, что мы разделяем господствующее среди телезрителей мнение, что ТВ полностью манипулирует их сознанием. Нет. У нас иная точка зрения. Мы исходим не из того, что телевидение владеет обществом, а из того, что общество обладает телевидением как одной из своих подсистем. Не телевидение указывает обществу, что думать, а общество (включая такую его подсистему, как власть) диктует телевидению, что показывать. Известны соображения, что телеканалы вынуждены подчиняться диктату рейтинга, показывать то, что хочет смотреть публика. Мы имеем в виду не эти общеизвестные соображения, пусть они отчасти верны. Мы имеем в виду сегодняшнюю геополитическую ситуацию и нашего зрителя, помещенного в нее. После присоединения Крыма и событий в Восточной Украине россиянам пришлось узнать, что большинство стран, бывших, что называется, «значимыми Другими», заняли позицию осуждения России. Быть объектом бойкота и общего осуждения нелегко не только отдельной личности, но и сознанию нации.

Российское массовое сознание в порядке самозащиты выработало реакцию: нас осуждают враги, значит, мы правы. Базой такой логики является уравнение: мы настолько хороши, насколько они плохи. Именно так. Просто хвалить себя в этой ситуации не помогает. Помогает хулить врага. Это напрямую ставит перед телевидением задачу показать, сколь плохи, сколь дурны, сколь отвратительны все те, кто против нас. При этом такая демонстрация должна быть постоянно обновляемой. Почему? Потому что, если наступит пауза, если хула станет приедаться, сознание услышит внутренний шепот: а вдруг недаром все нас

осуждают... Телевидение старается изо всех сил.

Заметим, заказ на хулу – это не заказ на информацию, это не заказ на правдивую информацию. Хула выполняет свою роль уже тем, что ею является. Подобно брани, она тем лучше, чем она хуже. Ей не собираются «доверять» в том смысле, в котором обычно употребляется это слово.

Телевидение не может питать зрителя исключительно ненавистью. Ее надо компенсировать добрыми чувствами. В чей адрес могут быть добрые чувства у нынешних россиян? Опыт показал – в адрес собственного прошлого. Возник своеобразный культ предков. Он имеет свой ритуал – регулярный показ «нашего доброго старого кино», мифо-нарратива. На экране – конфликты, не существующие ныне (возможно не существовавшие и тогда, в советское время). Их разрешают не нынешними средствами. Возникает образ нашего коллективного предка. Эмоции умиления облегчают души. Важнейшее из искусств продолжает служить народу.

**) Показатели рассчитаны на основе данных из июльского опроса Левада-центра.*

Автор приносит благодарность Любви Борусяк за помощь в подготовке этого материала.

***По тексту Алексея Левинсона:
24 августа 2016 г.***